

УДК: 316.35/316.62

DOI: 10.17223/1998863X/61/18

Д.П. Исаев

ОБРАЗЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИНАСТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ СРЕДЕ

Рассматриваются проблемы изучения закономерностей и особенностей процесса конструирования образов профессиональной династии в современной российской научной среде. Отмечается, что идентификационные оценки, фиксирующие трансформации профессиональной династии как социального феномена, обусловлены действием таких факторов, как характерологические особенности членов семей, специфика научного творчества, психологическая основа социального взаимодействия.

Ключевые слова: профессиональная династия, научная среда, трансмиссия статуса, статусный капитал, транспрофессиональная мобильность

Введение

Научные династии являются устоявшимся объектом отечественного социогуманитарного знания. Многообразие подходов к их изучению позволяет предложить определенную градацию. Так, возможно, самым традиционным является подход, согласно которому акцент сосредоточен на демонстрации семейных достижений и вкладов той или иной династии в научную, шире, культурную и интеллектуальную жизнь общества [1, 2]. По сути, он выражает интерес к данному предмету сквозь призму исследования культуры как «элитарного» пространства, что является реализацией классической установки познания. Развитие данной стратегии было предложено в рамках социальной психологии науки, исследующей проблемы наследования дарований в научных семьях, так называемой социальной наследственности [3. С. 76–77]. Впрочем, ограниченность подхода, оправдываемого самим предметом изучения, приводила к акцентуации внимания только на благоприятном социально-психологическом климате занятий наукой.

Иной подход к изучению научных династий был предложен в рамках социологии профессий. Определение предмета познания как «профессиональной династии» позволило расширить пространство изучения социальных феноменов. Так, в поле зрения исследователей попадают проблемы профессионального выбора в семьях российских специалистов, где устойчивость воспроизводства профессиональных ценностей интересна не сама по себе, а в качестве своеобразного барометра современной трансформации профессиональных структур и социальной мобильности. Профессиональная преемственность, в том числе в научных династиях, оценивается в качестве стратегии смягчения нестабильности на рынке труда [4, 5]. Иначе говоря, династия рассматривается как конструктивный семейный проект, позволяющий накапливать социальный капитал, благотворно влияющий на социальные процессы [6]. С другой стороны, учеными предлагаются характеристики профессиональной династии как архаической модели закрепления преимуществ в социальной конкуренции, что позволяет выделять и деструктивные социальные

эффекты династичности [7]. В частности, на примере научной среды показываются проблемы социальной монополии, приводящей к закрытости научного сообщества [8].

Таким образом, сегодня очевиден комплексный взгляд на изучаемый феномен, в котором важность приобретают не только «объективные» параметры социальной группы, но прежде всего коммуникативное поле актуализации и передачи социального и культурного опыта, через которое и проявляются указанные выше социальные эффекты. В развитие подхода мы ставим проблему конструктивного/деструктивного потенциала династий в пространстве сознания, обратившись к образным характеристикам династии в семьях современной российской научной среды. Соответственно, задачами исследования выступают выявление «идентификационных» особенностей проектирования положительного и отрицательного образов династии членами семей, сосредоточение на процессуальной стороне и факторной обусловленности создания ими ретроспективного образа своей семьи как профессиональной династии. Поскольку речь идет о сфере порождения смыслов в рассматриваемой реальности, наше исследование находится в русле интерпретативной социологии, принимая методологическую установку об изучении конструируемой реальности через представления о ней.

Результаты эмпирического исследования

Эмпирическую базу исследования научных династий составляют интервью в 20 семьях с респондентами – гражданами РФ, полученными в рамках реализации проекта «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе». Участие в опросе принимали представители разных научных направлений: естественно-научного (7), гуманитарного (8) и медицинского (5). Треть интервью проходило в формате face-to-face из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки; остальные проведены в онлайн-формате. Временной интервал – весна-лето 2020 г. Выявленные в ходе опроса профессиональные династии насчитывают 3–4 поколения. География информантов – Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Таганрог, Томск. Гайд предложенного нарративного интервью состоял из трех блоков: автобиографический рассказ; роль семьи и социального окружения в профессиональном становлении; субъективные оценки, интерпретации и восприятие феномена династичности.

Исследование, представляющее обработку первичных эмпирических данных, закономерно начинается с аналитики ответа на вопрос об образе профессиональной династии как таковой: «Если мы говорим „профессиональная династия“, что первое (какие ассоциации, образы, мысли, ощущения) приходит Вам в голову в связи с этим словом?» Исходя из общих представлений о понятии и опираясь на личностный опыт, респонденты конструируют соответствующий образ. Встречаются следующие вариации: «семейный труд, общее дело, передача знаний, поддержка родных» (м., 42 года, химик)¹; «преемственность поколений, развитие, эстафета» (м., 42 года, правовед). В основном дается попытка «объективистского» определения династии как

¹ Здесь и далее в кавычках даются выдержки из собранных интервью, находящихся в личном архиве автора.

социальной категории, существующей независимо от представлений о ней. Кроме того, соответствующий образ рисуется, исходя из внутреннего опыта нахождения в династии. Иными словами, ее ощущение внутри семьи предопределяет набор внутренних признаков.

Связанный с особенностями этих представлений следующий аспект касается возможных преимуществ и недостатков династийной принадлежности. Среди преимуществ респонденты выделили микроклимат и благоприятную культурную среду; (ментальную) связь с предками; возможность раннего интеллектуального развития; приобщение к профессиональному развитию, ранний профессиональный опыт; помощь в профессиональном выборе; доступ к ресурсам; социальную стабильность; подпитку идеями со стороны молодых членов династии. Данные суждения логично исходят из воображаемой прямой связи между поколениями, в первую очередь относятся к последнему звену династии. В интервью в качестве необходимых элементов династийности присутствуют прародители респондентов, которые определенным образом влияли на воспитание внуков, поддерживали семейный микроклимат и т.д. Выделение информантами такого преимущества, как доступ к ресурсам, наоборот, скорее вытекает из практики взаимодействия родителей и детей. И здесь поясним, что, в отличие от предпринимательской среды [9], применительно к научной сфере уместно говорить не о финансовых капиталах, а о родительском опыте, конвертируемом в экономическую ценность.

Симптоматичны суждения трех информантов, сомневающих в преимуществах, которые могут предложить династии сегодня. Во-первых, по мнению респондентов, сейчас вообще не требуется трансляция профессиональных ценностей при профессиональном выборе. Аргументом служит то, что «сейчас жизнь меняется настолько быстро, что ты должен уметь не столько держаться какой-то профессиональной позиции, сколько переключаться на то, что предлагает жизнь» (ж., 62 года, социолог). Во-вторых, если и признавать династические ценности, то «для определенного рода профессий, которые требуют передачи опыта и мало модифицируются с годами» (м., 40 лет, физик), например, военных. А, к примеру, в гуманитарной научной сфере династической ценностью сегодня можно считать лишь сформированную благоприятную культурную среду. Эти суждения имеют «диагностический» характер и отсылают к болезненной проблеме для династии в современных условиях – проблеме самоидентификации индивида, процесс которой З. Бауман считает принципиально «нефинальным», поскольку «ни условия жизни, ни набор возможностей, ни природа угроз никогда не перестают меняться» [10].

В качестве недостатков принадлежности к династиям выделены: «насильственный» факт погружения в профессиональную среду; возможность «агрессивного» влияния; необходимость продвижения семейных идей, которые не разделяешь; навязанный и неподходящий индивидуально профессиональный выбор; завышенные ожидания; дополнительные обязательства и ответственность, предвзятое отношение к молодому поколению со стороны общества. Налицо интерпретация определенного семейного опыта, когда, к примеру, респонденты приводят факты из жизни своих родственников в качестве доказательства указанных недостатков. Любопытно, что «предвзятое отношение» было предложено представителями молодого поколения (до 40 лет), хотя стал-

кивалось с ним, как следует из собранных интервью, большее количество информантов. Объясняется это, скорее всего, тем, что в силу возраста еще свежи в памяти факты подобных проявлений со стороны профессионального сообщества, влияющие на процесс профессионализации личности. Наблюдения того, что противоречия династийной принадлежности явственно обнаруживаются изнутри, соотносятся с выводом И.П. Поповой о том, что профессиональная преемственность способствует большему пониманию внутренней структуры профессии [5. Р. 189].

Следующий проблемный блок связан с темой восприятия своей семьи как профессиональной династии и своего места в ней. Ответы конструируют «ретроспективный» образ семьи, наделяя его индивидуальными характеристиками. Полученные данные мы условно разделили по «эмоциональному» признаку. И здесь интересны скорее не количественные параметры (три группы с примерным равенством по 6–7 человек), а сам процесс и контексты порождения смыслов, обусловившие данное восприятие. Первая группа прозрачно конструирует безусловно положительный образ семьи как династии. Информанты рассказывают о соответствующей домашней атмосфере, которая формировала устойчивые традиции (например, разговоры на профессиональные темы), интеллектуальное развитие. Члены этих семей гордятся принадлежностью к династии, фиксируют высокую профессиональную репутацию, довольны профессиональным выбором, полагают, что оправдали ожидания своих родителей. Бережно относятся к своему вкладу в указанный статус династии, пусть и в некоторых случаях оцениваемый как скромный. Наконец, признаются, что принадлежность к династии помогла проложить эффективный жизненный путь, преодолеть трудности, получать связи и ресурсы. Именно в данной группе наблюдается «закономерное» превалирование молодого поколения (4 из 6), что требует своего объяснения. Так, в силу возраста в процессе профессионального становления личности в семьях соответствующего типа на данном этапе в большей мере играет роль профессиональная преемственность [11. С. 182].

Представители второй группы эмоционально более спокойно описывают свою семью как профессиональную династию. Они согласны с тем, что у них есть положительная профессиональная репутация. Отмечается гордость за династическую принадлежность, указывается, что это помогало в профессиональном становлении. Но здесь информанты чаще признаются, что, возможно, не до конца оправдали ожидания родственников, родителей. Неслучайные оговорки, типа «куча обязательств» (ж., 46 лет, историк) или «когда пишешь статью, не думаешь о профессиональной репутации» (м., 42 года, правовед), дают нам право выделения данной группы, в которой восторженность уступает место трезвым размышлениям.

Интерес вызывает третья, «скептическая» группа, где респондентами не отрицается наличие самой династии, но иное значение они придают своему месту в ней. Фактически каждый из данной группы тем или иным образом высказался не в пользу династийности: не было профессионального выбора, отсюда нелюбовь к работе; вынужденная принадлежность к профессиональной династии; отличие от родственников; отсутствие гордости и др. В этой связи неслучайны признания о возможном и действительном уходе из профессии и прекращении династии, высказанные двумя информантами. Это

позволяет сделать вывод, что данная группа более подвержена таким вариантам статусной трансмиссии субъектов, как социальная инерция и уход из профессии [7. С. 79].

Безусловно, на подобные оценки могли повлиять разные причины, формирующие особенности жизненной траектории опрашиваемых. Во-первых, некоторые попросту не связывают успехи в профессии с принадлежностью к династии. Отсюда сосредоточенность на личных усилиях и соответственно их оценка (например, «иногда я забываю, что есть профессиональная династия» (м., 35 лет, социолог)). Во-вторых, критическая рефлексия над своими способностями, успехами в сравнении со старшими поколениями мешает респондентам ставить себя в один ряд с ними и чувствовать себя достойными продолжателями семейного дела. Наконец, имеет место внутренняя неудовлетворенность своей профессиональной реализацией, отсюда сосредоточенность на отрицательных сторонах династичности, возможным образом когда-либо сказавшихся при «судьбоносном» выборе. В этом случае мы можем видеть противоречивость «семейного проекта», реализующего модель прямого наследования, основанную на трансляции прежних представлений, которая, с одной стороны, обеспечивает устойчивость профессиональных позиций членов семей [4], а с другой – провоцирует так называемые биографические кризисы [12. С. 246–247].

Выводы

Ментальный образ династии в семье может живо поддерживаться и ощущаться, но в многочисленных оттенках, несущих за собой индивидуальный опыт участников. Каждый нарратив содержит описание случайностей, предопределивших тот или иной профессиональный выбор, видение жизненных траекторий членов семей и себя в контексте династии. Это позволяет выделить социально-психологические факторы, обуславливающие данные процессы и состояния.

Во-первых, характерологические особенности членов семей. Очевидно, что на профессиональный выбор молодого человека зачастую влияло мнение родителей. Неслучайно на соответствующий вопрос интервьюера респонденты отвечали часто утвердительно, рассказывая семейные истории о том, как проходили совместные обсуждения выбора вуза и т.д. При этом неизбежно в ходе беседы всплывали характеристики старших членов семьи. Достаточно редко в беседах встречаются «авторитарные» субъекты. Полагаем, что определенная «свобода маневра», получаемая молодыми членами семей и иногда работающая не в пользу профессиональной преемственности, компенсировалась добровольно усваиваемым «семейным проектом».

Во-вторых, научное творчество как специфический вид занятий. Культура умственного труда предполагает наличие определенных индивидуальных талантов и качеств. Что фиксируют и респонденты, отмечая в качестве необходимых признаки типа «упорство... трудолюбие, интерес к своей деятельности, интерес к твоей теме научных интересов» (м., 30 лет, политолог). С другой стороны, ясно, что научная среда не является гомогенной, где успешное выстраивание карьеры не определяется лишь научными достижениями и открытиями. Так, в типологическом анализе мотивации научного труда Л. Зубова выделяет 7 групп мотиваций в науке с характерной для каж-

дого типа моделью поведения. Важно, что каждый тип в этой классификации обладает своей спецификой в выстраивании семейной стратегии профессионализации и передаче социального капитала, где только два первых используют такой вариант трансмиссии статуса, как активная преемственность в плане научного творчества [13. С. 47–49]. Отметим, что профессиональная научная деятельность наших респондентов дифференцирована такими вариантами, как преподавание, лабораторные исследования, врачебная практика, бизнес-проекты. Согласно этому они продемонстрировали достаточное разнообразие в суждениях о профессиональном интересе, оценках своей и династийной успешности в науке.

В-третьих, это особенности социального взаимодействия внутри семей с точки зрения психологических установок. Рассмотрим данную проблему в зеркале теории транзактного анализа Э. Берна. В ее основе лежат «метафорические» категории Родителя, Взрослого и Ребенка как психологические состояния, характерные для поведения любого человека. Первая отсылает к усвоенным образцам поведения родителей, вторая ориентирована на рациональную и логичную оценку реальности и своего поведения, третья же – это эмоциональность, спонтанные творческие и интуитивные способности, ближе к детским ощущениям [14. С. 278–280]. С помощью понятия «транзакции» как общения между индивидами – носителями указанных состояний в поле определенных психологических позиций предлагается анализировать межличностное взаимодействие. Интересующая нас психологическая реальность «Взрослого» характеризуется такими поведенческими установками, как независимость, деловитость, аналитичность, что позволяет индивиду решать задачи самоопределения, планирования действий «hic et nunc». В семьях с многопоколенными профессиональными традициями ребенок с детства получает значительный заряд по усвоению соответствующих культурных, интеллектуальных, профессиональных норм, которые должны транслироваться и в будущие поколения. Однако, осваивая позицию «Взрослого», члены данных семей также вынуждены принимать решения, элементарно являющиеся жизненно необходимыми. Отсюда роль случайности в выстраивании профессиональной карьеры. Шесть респондентов на определенном жизненном этапе уходили в другие профессиональные области, временно покидая «семейное» поле деятельности или осваивая смежные сферы занятости, реализуя при этом транспрофессиональную мобильность (например, прикладные исследования, связанные с бизнес-проектами). Таким образом, позиция «Взрослого», осваиваемая субъектами действия, оказывает трансформирующее воздействие на его восприятие династийных ценностей.

Литература

1. Андрейченко Г.В., Сапрыкина Е.В. Семейные традиции в истории российской науки // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 18–22.
2. Левочкина А.В. Вклад научных династий в развитие культуры // Аналитика культурологии. 2013. № 1 (25). С. 102–113.
3. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1984. 312 с.
4. Popova I.P. Professional choice: the influence of the cultural resources of the families of Russian specialists // Russian Education and Society. 2014. № 56 (10). P. 3–23.
5. Popova I.P. Professional Continuity in Career Strategies of Russian Scientists // Europe and beyond: boundaries, barriers and belonging. View from Russia: collected papers European Sociologi-

cal Association 14th Conference “Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belongin” (Manchester, GB, August 20–24, 2019) / ed. V. Mansurov. Moscow : 2019. P. 182–191.

6. *Kolesnikova E.M.* Professional Dynasties as a Resource of Social Mobility // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication: Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA), Moscow, 24–26 July 2019. Moscow : RUDN, 2019. P. 103–109.

7. *Мостовая И.В., Посухова О.Ю., Клименко Л.В.* Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юра России. 2019. Т. 8, № 6. С. 70–82.

8. *Посухова О.Ю.* Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. № 7. С. 89–95.

9. *Dunn T., Holtz-Eakin D.* Financial capital, human capital, and the transition to self-employment: Evidence from intergenerational links // Journal of labor economics. 2000. Vol. 18, № 2. P. 282–305.

10. *Bauman Z.* Migration and Identities in the Globalized World. Reset dialogues on civilization. 2013. URL: <https://www.resetdoc.org/story/migration-and-identities-in-the-globalized-world> (дата обращения: 3.12.2020).

11. *Шаманин Н.В.* Психологические особенности трансформаций специфических феноменов профессионального самоопределения в различных типах семей (на материале династий) // Экономика образования. 2012. № 4. С. 181–184.

12. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие. М. : Академия, 2004. 304 с.

13. *Зубова Л.Г.* Мотивация научного труда: результаты типологического анализа // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1998. № 2. С. 47–53.

14. *Берн Э.* Познай себя. О психиатрии и психоанализе – для всех, кто интересуется. Екатеринбург : Литур. 1999. 368 с.

Dmitry P. Isaev, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: disaew@mail.ru, dpisaev@sfnedu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 172–179.

DOI: 10.17223/1998863X/61/18

IMAGES OF A PROFESSIONAL DYNASTY IN THE MODERN RUSSIAN SCIENTIFIC ENVIRONMENT

Keywords: professional dynasty; scientific environment; status transmission; status capital; transprofessional mobility

The present study focuses on academic dynasty as implementation of the concept of “professional dynasty”. It states that, in modern socio-humanitarian science, the approach focusing not on the descriptiveness of academic dynasties’ achievements, but on the investigation of the problems of sustainability in professional values reproduction within the sociology of professions and in the context of professional structures transformation, with emphasis on not only constructive, but also destructive social effects of a dynasty, is becoming relevant. Within this approach, the author sets the problem of studying the patterns and features of the constructing of images of a professional dynasty in the modern Russian scientific environment. This will allow applying some “objective” parameters of the existence of academic dynasties as a social group to an imaginary identity. According to the empirical data obtained during interviews, the objectives are set to identify the features of positive and negative dynasty image design by members of the interviewed families, and to focus on the procedure and factors for the creation of retrospective and perspective images of their families as professional dynasties. The author draws a connection between the constructed image of a professional dynasty in general (its advantages and disadvantages as such) and the perception of oneself as a real participant in family dynasty strategies. In the latter case, it is possible to classify the obtained data into three groups, approximately equal in quantitative terms, in line with the “emotional” attribute – positive, neutral and skeptical. Of these, the first two form a fairly stable and effective image of dynastic ties in professional trajectories. It is also noted that the “skepticism” of the respondents’ interpretations (group 3) derive from these three factors: concentration on personal efforts in the profession, underestimation of their own contribution to family achievements, and either complete or partial failure of professional self-realization. The author also notes that the various evaluations that account for the transformations of the professional dynasty as a social phenomenon are attributable to the action of socio-psychological

factors, such as characteristics of family members affecting the productivity of interpersonal interaction within the dynasty, the specificity of scientific creative activities as a special social environment, and the psychological basis of social interaction.

References

1. Andreychenko, G.V. & Saprykina, E.V. (2014) Family dynasties in the history of Russian science. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 2. pp. 18–22. (In Russian).
2. Levochkina, A.V. (2013) Vklad nauchnykh dinastiy v razvitie kul'tury [The contribution of scientific dynasties to the development of culture]. *Analitika kul'turologii*. 1(25). pp. 102–113.
3. Kartsev, V.P. (1984) *Sotsial'naya psikhologiya nauki i problemy istoriko-nauchnykh issledovaniy* [Social psychology of science and problems of historical and scientific research]. Moscow: Nauka.
4. Popova, I.P. (2014) Professional choice: the influence of the cultural resources of the families of Russian specialists. *Russian Education and Society*. 56(10). pp. 3–23.
5. Popova, I.P. (2019) Professional Continuity in Career Strategies of Russian Scientists. In: Mansurov V. (ed.) *Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia*. Moscow: RSS; FCTAS RAS. pp. 182–191.
6. Kolesnikova, E.M. (2019) Professional Dynasties as a Resource of Social Mobility. In: *Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication*. Proc. of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA), Moscow, July 24–26 2019. Moscow: RUDN. pp. 103–109. DOI: 10.22363/09669-2019-103-109
7. Mostovaya, I.V., Posukhova, O.Yu. & Klimenko, L.V. (2019) Methodological Aspects of Professional Dynasties Research in Russian Society. *Gumanitarniy Yuga Rossii – Humanitarians of the South of Russia*. 6. pp. 70–82. (In Russian).
8. Posukhova, O.Yu. (2018) The Role of Professional Dynasties in the Russian Academic Environment. *Vlast' – The Authority*. 7. pp. 89–95. (In Russian).
9. Dunn, T. & Holtz-Eakin, D. (2000) Financial capital, human capital, and the transition to self-employment: Evidence from intergenerational links. *Journal of Labor Economics*. 18(2). pp. 282–305. DOI: 10.1086/209959
10. Bauman, Z. (2013) *Migration and Identities in the Globalized World. Reset dialogues on civilization*. [Online] Available from: <https://www.resetdoc.org/story/migration-and-identities-in-the-globalized-world> (Accessed: 3rd December 2020).
11. Shamanin, N.V. (2012) Psychological features of specific phenomena of transformation professional self in different types of families (on the basis of dynasties). *Ekonomika obrazovaniya – Economics of Education*. 4. pp. 181–184. (In Russian).
12. Klimov, E.A. (2004) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow: Akademia.
13. Zubova, L.G. (1998) Motivatsiya nauchnogo truda: rezul'taty tipologicheskogo analiza [Motivation of scientific work: the results of a typological analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2. pp. 47–53. (In Russian).
14. Bern, E. (1999) *Poznay sebya. O psikhii i psikhooanalize – dlya vseh, kto interesuetsya* [Know yourself. About Psychiatry and Psychoanalysis – for Anyone Interested]. Translated from English by A.A. Gruzberg. Ekaterinburg: Litur.